Л. ШАПОРИНА

Из дневников

1946 августа 17

Утром, я была еще не одета, прибегает Анна Ивановна — глаза на лбу: «Я должна вам рассказать, это так страшно, так страшно!» Вчера вечером состоялось торжественное собрание писателей в Смольном под председательством Жданова. За ним на эстраду вышли Прокофьев, Саянов, Попков, все бледные, расстроенные: в Москве состоялось совещание при участии Сталина, рассматривали деятельность ленинградских писателей, журналов «Звезда» и «Ленинград», «на страницах которых печатались пошлые рассказы и романы Зощенко и салонно-аристократические стихи Ахматовой». Полились ведра помоев на того и на другого. Писатели выступали один подлее другого, каялись, били себя в грудь, обвиняли во всем Тихонова, оставил-де их без руководства. Постановили исключить из Союза писателей Анну Ахматову и Зощенко. Их, к счастью, в зале не было».

1946 сентября 28

Дилакторская рассказала мне следующее. Ахматовой позвонили и сказали, что через полчаса к ней приедет секретарь Гарримана, профессор такой-то. Обстановка у А. А. убогая, никакого уюта, никаких вещей, на окнах разные занавески. Кое-как привели в порядок, она пригласила двух приятельниц и приняла профессора. Он говорил по-русски. Через некоторое время он опять приходит в 8 часов, сидит до 9—10—12-ти. Ахматова не знает, что делать: ведь нечем угостить человека. Хозяйство у нее общее с Пуниными — они легли спать и дверь к ним закрыта. На 5 человек собрали 3 чашки, подали кислой капусты. Он просидел до 2 часов ночи. Может быть, он ждал ухода при-

ятельниц и хотел поговорить с ней наедине? Ахматову очень любят в Англии.

1947 января 20

В сумерки на углу Шпалерной и Литейного встретила А. Ахматову, окликнула ее, и пошли вместе. Я ей сказала, что была у нее под впечатлением выступления Фадеева в Праге. Все, что было до этого, не могло меня удивить, т. к. ничего, кроме гнусностей, я и не ждала, но писатель, русский интеллигент, — это возмутило меня до глубины души. «А мне его было только очень жаль, — ответила А. А., — ведь он был послан нарочно для этого, ему было приказано так выступить. Я знаю, что он не любит мои стихи. Я ни на кого ничуть не обижаюсь, я это искренне говорю, ничего из этого всего не случится. Стихи мои не станут хуже. Ведь вскоре после появления моей книги “Из шести книг” она была запрещена, был устроен скандал редактору, издательству». Тогда не затрагивали А. А. как человека и даже как поэта — и такое отношение она приписывает влиянию А. Н. Толстого, который любил ее стихи. «Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей и Фадеев страшно ругал мою книжку. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев увидел меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснялся в любви. Скольких травили! Когда в 29 году началась травля Е. И. Замятина, я вышла демонстративно из Союза, вернулась туда только в 40-м». А. А. взяла меня под руку, другой рукой опиралась на палку. «Травили Шостаковича, но, конечно, никого так сильно, как меня. Уж такая я скандальная женщина». Мужчины, по ее словам, хуже, сильнее реагируют на такую травлю. Замятин переживал очень тяжело тот период. Вспомнили Добычина, который кончил самоубийством. Он был молод и не уверен в себе. Эйхенбаум — единственный из писателей отказался выступить против нее, сказав, что он старый человек, и никто ему не поверит, если он начнет бранить Ахматову, которую всегда любил. Его отовсюду сняли. Жена его очень волновалась за него, боялась и умерла. Книги А. А. были изъяты из продажи, было запрещено их и продавать, и покупать. Но на днях разрешили продажу.

1948 февраля 17

Вчера была Сретенская Анна. Днем я зашла к Анне Андреевне Ахматовой. Снесла цветов: вновь появившихся желтых

нарциссов. Она лежит, аритмия сердца, предполагают грудную жабу; в общем, замучили. Сократили сына, ее работу о Пушкине не приняли. Никаких средств к существованию. Все это я знаю со стороны. Сама А. А., конечно, ни на что не жалуется. Кажется, она была рада моему приходу. Я было начала что-то рассказывать — она приложила палец к губам и показала глазами наверх. В стене над ее тахтой какой-то закрытый не то отдушник, не то вентилятор. «Неужели?» — «Да, и проверено». Звукоулавливатель. О, Господи. Я смотрела на нее и любовалась строгой красотой и благородством ее лица с зачесанными назад седыми густыми волосами.

1948 февраля 28

Сегодня в Союзе писателей вечер памяти А. Н. Толстого. Я совсем было собралась уходить, как пришла А. А. Ахматова. Я страшно обрадовалась ей. Ей стало лучше, она встала, зашла к Рыбаковой, узнала у них мой адрес. Московский Литфонд предложил ей санаторию и 3000 р<ублей>. Я очень советовала ей воспользоваться этим предложением и поехать. А. А. рассказала, как она узнала, что к ней в комнату поставлен микрофон. Она должна была выступать, кажется, в Доме ученых, и, очевидно, предполагали, что сын уедет с ней вместе. Но сын почему-то остался и услыхал стук над потолком, звук бурава. С потолка в двух местах обсыпалось немного известки, посередине комнаты и на ее подушку. «Я всегда боюсь, что кто-нибудь что-нибудь ляпнет, и поэтому у меня всегда очень напряженное состояние, когда кто-либо приходит». Мы заговорили о композиторах — с ними обошлись, по ее мнению, мягко и корректно по сравнению с тем постановлением, которое ее касалось. Никого не обругали. «Обзывать блудницей меня, с сорокалетним писательским стажем...» На мои слова, что она единственная не каялась и не просила прощения, А. А. ответила: «Мне не предъявляли никакого обвинения и мне не в чем каяться. Я понимаю, что Зощенко написал письма Сталину. Его обвинили в клевете — он доказывал, что он не клеветник».

1949 сентября 19

Была вчера в церкви, отвела душу и зашла к А. А. Ахматовой, благо воскресенье — мой выходной день. Был уже час, но она еще лежала. Все лето чувствовала себя плохо. Хозяйство, хотя и небольшое, очень ее утомляет, день ходит, день лежит. Вернулся сын, который ведет самую трудную часть хозяйства,

т. е. закупки. А. А. встала, и мы пошли с ней в Летний сад. Она мне рассказала, что Пунин ждал ареста после того, как в Университете было арестовано 18 человек. Он все надеялся, что дочь с внучкой успеют вернуться — его арестовали за несколько дней до их возвращения. Девочке не сказали об аресте, «просто уехал». «У меня самое болезненное из чувств — это жалость, и я умру от жалости к Ирочке и Ане», — сказала А. А. Отец девочки убит на войне, ей трудно дается ученье. Н. Н. с ней очень много занимался, она очень его любила и звала папой. Она грустит и плачет постоянно и все спрашивает, куда папа уехал и когда он вернется.

Гумилев был расстрелян 25 августа. Пунин арестован 26-го. «Отбросив всякие суеверия, — говорит А. А., — все-таки призадумаешься».

1949 декабря 21

Вчера днем ко мне зашла А. А. Ахматова. Доктор велел ей пролежать дней 10 — но какая же возможность лежать в полном одиночестве, когда надо вести хоть минимальное хозяйство. Я занялась приготовлением кофе, А. А. сидела молча, глядя полураскрытыми глазами в окно. Такое у нее было скорбное, исстрадавшееся, измученное выражение лица. «Почему арестовали сына, не в связи ли это с делом Ник-Ник.?» — «Вот и вы повторяете, кто-нибудь вам сказал, обыватели только шушукаются, сплетничают и все абсолютно ко всему равнодушны, никому ни до кого нет дела. Разве для ареста нужны причины?» У нее был доктор из платной Максимилиановской лечебницы. «Но это был скорее бандит или провокатор». Первое, что он сказал: «Я думал встретить здесь более богатую обстановку». А затем, выслушивая сердце, спросил, не повлияло ли на ее здоровье постановление от 14 августа 1946 г., на что А. А. ответила: «Не думаю».

1950 февраля 2

Вчера [...] часу в десятом зашла Анна Андреевна. Она пробыла три недели в Москве, возила передачу сыну. «“Да, он у нас”; как это услышишь, — она обе руки прижала к груди, — (так все не отдаешь отчета, не веришь), — и только тогда все ясно становится, как услышишь эти слова: он у нас». А. А. предполагает, что его взяли и вышлют без всякого дела и нового обвинения, а только потому, что он был уже однажды «репрессирован» (слово, которое официально употребляется).

«Все сейчас перечитывают “Воскресение”, — сказала А. А., — и плачут. У меня в Москве был Пастернак и говорил, что читал “Воскресение” мальчиком, когда его отец делал к нему иллюстрации. Тогда ему роман показался скучным. Он перечитал теперь и плакал. Я не плакала и не поверила в полное и окончательное воскресение Нехлюдова. Катюша — да. Та ушла от зла. А Нехлюдов так неустойчив, так впечатлителен. Он только что был счастлив. Попасть в знакомую и близкую ему обстановку у губернатора и вдруг случайно попавшееся ему в руки Евангелие и случайно открытая страница произвела полный переворот. Не верится!»

1951 мая 13

Была вчера у меня А. А. Как силен дух у русской женщины. Тебе отмщение. Господи, но Ты воздай.